

В суровом и прекрасном мире

На рубеже пятидесятых—шестидесятых годов в советскую живопись пришла группа сильных и разноликих мастеров. Их начало было бурным и резким. Оно шло под знаменами «сурового стиля», характернейшего направления искусства тех лет, который, решительно отвергая парадность и суесловие, стремился к бескомпромиссной, мужественной правдивости. Как много плодотворного принесло тогда это стремление нашему искусству! И как современно звучит оно сейчас!

К мастерам, когда-то сопричастным «суровому стилю», принадлежит и Виктор Иванов, чья отчетливая выставка, приуроченная к 60-летию живописца, открыта в Центральном доме художника.

Среди произведений, которые определили самый облик живописи тех давних лет, была картина Виктора Иванова «Семья. 1945 год». Я вспоминаю споры, которые она вызвала. Художнику ставили в вину огрубление действительности и что-то еще в том же роде. С позиций благолепия и прилизанности, которыми отличались тогда многие полотна на сельские сюжеты, подобные упреки имели свой резон. Но косяки умильных пасторалей позабыты, а «Семья» Виктора Иванова осталась искренним свидетельством своего времени. Скучная семейная трапеза, печать трудных испытаний, которая лежит на лицах недавнего фронтовика и его родных, особая строгость и стойкость этих людей, так много переживших и несломленных,— все это пронизано подлинным духом начала послевоенной поры.

Это полотно, по существу, открывает выставку. Совокупность ее экспозиции позволяет зрителю увидеть нечто такое, что как-то не замечалось раньше. Казалось бы, это вещь сугубо жанровая, чуть ли не документальная. Но видишь, что многое в ней далеко выходит за рамки бесхитростного наблюдения — приподнятая над обыденностью значительность характеров, объединяющая их мощная жизненная воля, наконец, тот внутренний свет, который составляет среду запечатленной сцены и придает ей многозначный смысл.

Стало быть, Виктору Иванову уже изначально была присуща тяга к обобщению. Это важно отметить, ибо такое качество явно противостоит суждениям, будто Виктор Иванов чужд образной условности и всем формам инсказанья. Иногда говорят, что, когда сравнительно краткий период «сурового стиля» закончился и большинство его приверженцев потянулось к переносам понятий, к метафоре и иным приемам, Иванов остался преданным принципу: пишу лишь то, что прямо и непосредственно вижу. Будь так, художник никогда не создал бы самых значительных своих картин, составляющих душу и главный смысл выставки. Он очень убежденный человек, он действительно оказался поэтически и свято верен тому, что безоглядно полюбил еще в юности,— прямой, не знающей уверток правде повествования о жизни, тем нравственным понятиям, которые идут из глубин русской национальной истории, и, наконец, все той же строгости речи, которая остается у него ведущей интонацией. Но художник находит особые приемы емкой и скупой, нередко весьма напряженной концентрации образов, иногда граничащей с символикой. Это придает его искусству масштабность и силу.

Взаимодействие конкретных мотивов и образных итогов обладает у Виктора Иванова оригинальными оттенками, которые могут иногда обескуражить простодушное мнение. Например, сюжеты большинства произведений мастера связаны с природой и жизнью Рязанщины. Он подолгу живет в этих краях, ставших для него родными, знает течение здешней повседневности, традиции, быт, краски восходов и закатов. Но Виктор Иванов никогда не становился всего лишь «областным» художником. Изображая жизнь и природу рязанских мест, он размышляет о судьбах всей России, всего современного мира. Точность, «похожесть» деталей не низводят работы мастера к плоскому повторению натуры, не связывают его воображение, а, напротив, придают особую жизненную убедительность тем широким обобщениям, к которым он постоянно стремится.

На выставке показано много подготовительных рисунков к картинам. Они строги и точны в изображении фигур, предметов, ландшафтов. В них нет дотошной описательности, они намечают лишь главные черты натуры, ее общую конструкцию. Но в этих рисунках художник занят лишь внешним обликом изображаемого. Как выясняется, точный натурный рисунок — это для него необходимая опора свободного обобщения, своего рода гарантия подлинности его исходных основ.

Яснее всего это очевидно в лучших его пейзажах. Излюбленная художником острая и угловатая геометрия форм придает его пейзажным

полотнам лапидарность и броскость. Конечно, есть среди пейзажей Иванова и такие, где господствует лирическая умиротворенность. Однако и они — это не просто «виды» некоей местности, но скорее композиции «по мотивам» определенных пейзажных впечатлений, внушивших художнику чувство гармонии и покоя.

Но драматические начала ему ближе. И в пейзажах, и в портретах, и в сюжетных сценах. Персонажами своих портретов он в большинстве случаев избирает людей трудной судьбы, чьи сложные характеры раскрываются с истовой резкостью и страстью. Таковы люди рязанских деревень — недоверчивый, скептический правдоискатель Николай Арсеньевич Барinov; инвалид войны Алексей Иванович Рыжухин с его пронзительным, нетерпимым к любой фальши взглядом. Иные из портретных полотен при всей обычности их сюжетного строя неожиданно обретают монументальность, оттенки героического плана. Старый латышский скульптор Теодор Залькалн с его решительной, властной жестикуляцией выглядит на портрете вдохновенным подвижником, человеком непреклонных убеждений, которые не утратили своей сокрушающей силы и в последнюю пору жизни знаменитого мастера. А бабушка из полотна «Внучка» словно бы принадлежит к какому-то богатырскому племени — так много в ней величавости и энергии. В таком же легендарно-песенном мире живут различные варианты «русских мадонн» Виктора Иванова. В этих и других сходного свойства произведениях художник размышляет о жизненном призвании человека и хочет судить о нем по меркам высоких идеалов и мужественного драматизма.

Об этом повествует и картина «В кафе «Греко», один из самых значительных и глубоких групповых портретов в нашей живописи. Художник изобразил самого себя и четырех своих друзей по искусству — живописцев Д. Жилинского, Е. Зверькова, П. Оссовского и Г. Коржева — за столиком известного римского кафе, где встречались, мечтали, спорили столько русских художников и литераторов. Здесь скрестились века и судьбы, прошлое и настоящее. И это пронзительное и захватывающее чувство предстояния перед самим ходом времен наполняет сцену особым смыслом и настроением. Художники сидят плотной группой, они во многом близки и солидарны, но сейчас каждый погружен в себя и словно не замечает окружающих. Не эликурейское упоение благами жизни и не эфемерный, жаждущий славы блеск артистизма, но строгое и чистое служение людям и самоотверженное подвижничество во имя этой цели — вот какой нравственный кодекс художника утверждает эта картина Виктора Иванова.

В свете таких этических понятий становится ясным, почему он с такой глубиной и напряженной заинтересованностью относится к тематике реквиема. Не обряды и ритуалы занимают его внимание в первую очередь, но восприятие кончины человека как итога, прощания с ним как оценки прожитого, с которой связана целая цепь ассоциаций и сопоставлений; это как бы обратная перспектива жизни, своеобразная форма утверждения ее главных ценностей и высших начал. Такими идеями была проникнута в свое время картина, посвященная памяти погибших на войне с фашизмом, эти идеи составляют внутреннюю основу недавно законченного огромного холста «Похороны в Исадах».

В цветовом отношении «Похороны в Исадах» построены на сложных взаимосвязях белых и темных тонов, погруженных в общую голубоватую «астральную» среду. Этой просветленно-торжественной интонацией автор сразу же отключает композицию от всего обыденного и переводит ее в особый поэтический регистр. Вся сцена дана в духе монументальной фрески — огромны и торжественны фигуры, могущественны чувства изображенных людей, стройный хор вертикалей картины устремляется ввысь. Все, что мы видели в десятках более ранних картин мастера — национальную характерность персонажей, их волевою силу, спокойное, гордое достоинство, — предстает здесь в могучем укрупнении. Реквием сливается с мотивами бессмертия, все жанровые оттенки уступают место приемам и принципам современного эпоса.

Быть может, в этом главный урок выставки Виктора Иванова. Вся сложность современной жизни он обобщает и перекладывает на эпический лад. В обычном и повседневном, что изо дня в день окружает нас, он вскрывает глубинные черты и качества и дает им чеканное, завершенное выражение.

Александр КАМЕНСКИЙ.

● В. ИВАНОВ. «В кафе «Греко».

